

Три соблазна современного православия

Нравится или нет современная Америка нынешним христианам, однако похоже, что эта страна является последним государством христианской традиции, которое по своему влиянию на мировую политику сопоставимо с Римской империей.

Загадочная пассионарность современного ислама, стремительный рост мусульманской общины в Западной Европе, все большее геополитическое влияние Китая и Индии, которые, по прогнозам аналитиков, выйдут на лидирующие позиции в мире уже в первой половине XXI века... Судя по всему, мы являемся свидетелями начала новой эпохи — эпохи, в которой христиане могут оказаться в меньшинстве и потеряют возможность масштабного культурного и политического влияния. Как будет существовать христианская Церковь в новых исторических условиях? Это зависит не только от исторических обстоятельств, но и от самой способности христианства найти себя в новых условиях, от того, насколько мы сможем освободиться от тех болезней, которые искажают историческое бытие Церкви. У каждой Церкви сегодня — свои соблазны. Страны протестантской традиции накрыла мощная волна секуляризма. В США и других западных странах гремят скандалы, связанные с недостойным образом жизни католического духовенства. Проблема, которая, как нам кажется, стоит ныне перед Православной церковью, это преодоление трех соблазнов или вызовов: национализма, религиозного формализма и конфессионализма.

Соблазн национализма

Православная Церковь сегодня — это 14 автокефальных Церквей. С точки зрения православного вероучения, они составляют единую Церковь Христову, все члены которой объединены верой и общением «в молитвах и таинствах». С другой стороны, каждая из этих Церквей полностью самостоятельна в управлении и делах пастырства. У православных нет иерарха, служение которого было бы аналогично служению Папы Римского в Католической церкви. Церковное единство, по мнению православных, должно скорее обнаруживаться в общении иерархов, чем искусственно создаваться через централизацию церковной организации либо единоличную власть в руках главы Церкви.

Вместе с тем эта децентрализованная система самостоятельных, или автокефальных, Церквей в последнее время оказалась в некотором кризисе — кризисе универсализма, когда общая религиозная идентичность стала подменяться партикулярной национальной или региональной. Догматически, как некий факт вероучения, ни на уровне иерархии, ни на уровне массового сознания мирян единство Православной церкви не оспаривается. Однако на уровне церковной практики единая Православная церковь часто разделяется на свою, «родную», и «другие». И к этим «другим», «не своим», Церквам формируется прохладное отношение подозрительности. Скажем, для массового сознания православных верующих в России «своей» является Сербская церковь и в несколько меньшей степени — Элладская церковь, во главе которой находится идейный «антизападник» архиепископ Христодул. С другой стороны, Православная Церковь в Грузии, Румынии и странах Запада, где большинство православных подчиняются «прозападному» Константинопольскому патриарху, кажутся не вполне «своими».

Таким образом, Церковь превращается в «цивилизационный фактор», средство углубления водораздела между Востоком и Западом. Церкви как бы замыкаются в своих национальных, региональных или «цивилизационных» мирах. Религиозный идеал — богочеловеческое единство — подменяется идеалом секулярным — единством нации, государства, империи, цивилизации и т.п. Церковное сознание обмирщается. Одна Церковь начинает противостоять другой в силу особых «церковных стратегических интересов», а вернее, геополитических интересов государств, в границах которых она существует. Иерархи продолжают поминать имена друг друга во время служения Евхаристии, обмениваться посланиями и наносить друг другу визиты, но внешнему наблюдателю это скорее напоминает дипломатические отношения между главами отдельных государств, чем предстоятелями одной и той же Церкви в различных местностях (чем, собственно, и являются главы поместных Церквей).

В этой ситуации настоящей проблемой становится процедура создания новых автокефальных Церквей. Опыт разделения в Украине, Черногории и Македонии, где существуют самопровозглашенные автокефалии, ставит

вопрос даже не о каноническом, а общецерковном кризисе. Подлинная беда даже не в том, что эти Церкви оказались в канонической изоляции, а в том, что современное православие на протяжении десятилетий не может решить вопрос о процедуре предоставления автокефалии. Что же мешает это сделать? Во-первых, существующая *de facto* разобщенность православного мира не позволяет Православным церквям разработать и утвердить на Всеправославном Соборе канонический механизм получения автокефалии. Во-вторых, как сторонники, так и противники новых автокефалий нередко мотивируют свои действия национальными интересами: идеей этнической самобытности либо славянского (имперского) единства, интересами своего национального государства либо эллинизма/«самобытной русской цивилизации»/«великой Сербии».

Церковь может и должна быть одним из главных культурообразующих факторов, может и должна освещать и придавать высший смысл жизни нации, бережно охраняя ее традиции и единство. Однако она должна оставаться сама собой, не превращаясь в «организацию-исполнителя» государственного заказа в области идеологии или общественной морали. Партнерские отношения с государством крайне важны для Церкви. Но не менее важно для нее и другое: оставаться самостоятельным *dramatic persona*, не потерять в объятиях государства своей независимости. Как же этого достичь? Как сохранить эту независимость Церкви, когда границы церковной территории нередко совпадают с границами национального государства? В прошлом веке один из наиболее авторитетных иерархов Русской Православной церкви митрополит Никодим (Ротов) для того, чтобы достичь большей степени свободы в условиях атеистического государства, выбрал линию тесного сотрудничества с Католической церковью. Эта линия остается актуальной и сегодня, но не меньшее значение имеет и другое: укрепление реального единства православного мира через созидание многообразных механизмов межправославного (а вернее, межюрисдикционного) сотрудничества. Православный мир сегодня психологически и культурно разделен на две крупные семьи: «славянскую» и «греческую». Вместе с тем динамика роста православных общин в США показывает, что наибольшего успеха в своем свидетельстве добилась Церковь, которая оказалась наименее национальной, а именно Антиохийская. Это показывает, что будущее православия будет не «греческим» и не «славянским», а универсальным. Будущее за Церковью, для которой ценности христианского универсализма стоят выше ценностей национальных.

Соблазн религиозного формализма

Для религии, которая утверждает в качестве главного своего постулата, что Слово стало плотью (Бог стал человеком), форма не может быть чем-то случайным. Форма не случайна, но является органическим выражением внутреннего содержания. Эта аксиома имеет особое значение для христианского сознания, которое дорожит ценностью телесности. Тем не менее тем, кто читал Новый Завет и обратил внимание на радикальную, бескомпромиссную критику Христом религиозного формализма фарисеев, часто очень странно наблюдать, что внутри современной Церкви существует мощное движение, суть которого можно кратко высказать так: новое фарисейство.

Суббота для человека, а не человек для субботы, говорил Христос, который пришел не нарушить закон, но исполнить его. Но этих слов Христа как будто не слышат те, кто видит в христианстве новый, более совершенный по сравнению с Ветхим Заветом свод правил/запретов. Догматизация календарной проблемы, требование неукоснительного соблюдения всех (даже потерявших какую-либо актуальность) канонов, отказ от какого-либо литургического творчества, попытка навязать мирянам сугубо монашеский тип духовности... Вот лишь некоторые отличительные черты этого нового «ветхозаветного» мировоззрения, которое искренне не понимает, что Богу желаннее «милость», то есть живое отношение любви, чем «жертва», то есть соблюдение обрядовых правил. Мать Мария Скобцова, умершая в германском концлагере в Великую пятницу 31 марта 1945 года, называла этот тип благочестия «уставщичеством». Как правильно выбрать нательный крестик, как правильно поставить свечку за здоровье и упокой, как правильно поститься? Удивительно, но эти «технические», по сути, вопросы чаще всего можно услышать сегодня в храме. Между тем главный вопрос — каков Бог христианского Откровения? — часто остается незадаанным. И это понятно. Бог, оставляющий человеку свободу, Бог, который любит, но не заставляет любить, — это подлинное испытание для человеческого сознания. Ибо, говоря по правде, бремя свободы всегда кажется человеку непосильной ношей. Намного легче забыть о ней, спрятаться от личных отношений и личной ответственности за религиозный авторитет и свод правил. Уставщичество, религиозный формализм не были бы так привлекательны, если бы они не предоставляли человеку возможность отречься от свободы и ответственности личных отношений, если бы они не создавали иллюзию, что спасение и вечность с Богом можно заслужить при помощи неукоснительного соблюдения неких религиозных правил. Неудивительно поэтому, что уставщичество, формализм, обрядоверие оказываются так популярны там, где десятилетиями господствовала несвобода. «Мы видим сейчас во всем мире жажду каких-то определенных и конкретных директив — как верить, за что бороться, как себя вести, что говорить, что думать, — пишет мать Мария. — Мы видим, что мир жаждет сейчас авторитетных вождей, ведущих слепую и преданную массу за собою. Мы знаем самую страшную диктатуру из

всех когда-либо существовавших — диктатуру идеи. Непогрешимый центр — партия, например, или вождь — велит думать и действовать так-то, и человек, верующий в непогрешимость директивы, легко, изумительно и непонятно легко, перестраивает свой внутренний мир в соответствии с этой директивой. Мы знаем наличие государственно-обязательных философий и мирозозерцаний. Если мы допустим, что где-либо Церковь станет если и не покровительствуемой, то по крайней мере терпимой и в нее придут новые кадры людей, воспитанных на обязательных директивах, то уставщичество сразу научит их, какому пути надо следовать, где меньше сомнений, где директивы наиболее точные, наиболее регламентирующие всю человеческую жизнь, где, наконец, весь хаос человеческой души укрощен и загнан в определенные клетки».

Соблазн конфессионализма

XX век открыл для Запада православие. В свою очередь многие православные открыли для себя христианский Запад, убедившись, что западная традиция многограннее, глубже и сложнее, чем те схематические представления о ней, которые можно было найти в книгах. Православие открыло для себя Запад и... психологически, а иногда и юрисдикционно, разделилось. Многие православные восприняли диалог как дело христианской любви и путь к обогащению собственной традиции. Однако нашлись и те, кто отождествил понятие Церкви с конфессией и увидел в диалоге с Западом угрозу самому историческому бытию Православия. С введением нового (григорианского) стиля в греческой, а со временем и в других Православных церквях появились альтернативные или «истинно-православные» Церкви. Так православное сознание столкнулось с первым вызовом, связанным с диалогом с Западом, — угрозой внутреннего раскола. Кроме того, в силу исторических либо культурных причин некоторые Церкви оказались, так сказать, ближе к Западу, а некоторые — дальше. К примеру, в наиболее многочисленной Русской Православной церкви, которая в советское время жила в условиях несвободы, в экуменическом диалоге участвовала преимущественно иерархия. Вместе с тем церковный народ, который в России всегда тяготеет к консерватизму, к межцерковным контактам относится с известной долей подозрения. Подобная же «осторожность» (или даже настороженность) народного благочестия по отношению к Западу характерна для Сербской, а также Элладской церкви.

С другой стороны, Константинопольский и Антиохийский патриархаты, а также Румынская и Американская церкви вовлечены в экуменический диалог намного интенсивнее. Это еще один вызов для Православной церкви: для того, чтобы далее плодотворно участвовать в экуменическом диалоге, Поместные Церкви должны совместно выработать общецерковную позицию по экуменической проблематике. Третий вызов — вызов богословской и церковной идентичности. Как обогатить свое богословие и церковность опытом христианского Запада и остаться православными в способе мышления и образе жизни? Как вобрать в себя опыт другой Церкви и богословского мышления, однако не предать свою собственную традицию? Как, наконец, обогатить в экуменическом диалоге сам Запад, принести достойное свидетельство о сокровищах догматической, аскетической и литургической традиций православного Востока? Задача эта уже не политическая и не дипломатическая, а подлинно религиозная. Чтобы ответить на все три вызова (главным из которых, безусловно, является последний), Православной церкви сегодня необходима напряженная богословская работа. Готовых ответов здесь нет, догматические формулы не выработаны, но все это может возникнуть, если силы Церкви будут тратиться не на достижение секулярных и утопических целей (например, создание «самобытной цивилизации» и «православной государственности»), а на подлинно церковные задачи.

В эпоху постмодерна, когда человеческое сознание подвергает все тотальному сомнению, у Церкви остается надежный способ убедить современника в том, что она подлинная и Божья Церковь, — его удивить. С исторической точки зрения, все недостатки Церкви как социального организма вполне объяснимы. Но для того, чтобы удивить современного человека, Церковь должна преодолеть исторические соблазны, должна стать в еще большей степени похожа на ту удивительную Божественную личность, которая стала Человеком, чтобы у человека открылась возможность стать богом.

Автор: Петр Зуев, священник © Зеркало недели РЕЛИГИЯ, МИР 👁 3303 23.04.2006, 16:48 👤 203

URL: <https://babr24.com/?ADE=29447> Bytes: 13879 / 13858 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

